

Объект умышленного причинения тяжкого телесного повреждения

Т.Г. ТЕРЕЩЕНКО

В статье посредством анализа истории развития общего учения об объекте преступления анализируются основные подходы к объекту умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Автор отражает положения концепции «правового блага», предложенной в рамках дореволюционного уголовного права, приводит критические замечания относительно общепринятой советской теории «общественных отношений» и высказывает свое мнение по наработкам современных авторов.

Ключевые слова: объект преступления, концепция правового блага, теория общественных отношений.

Analyzing the history of general doctrine of the offense object the article examines the key approaches to the object of intentional infliction of serious bodily injury. The author states out the concept of “legal interest” proposed in the framework of pre-revolutionary criminal law, gives common criticisms on the Soviet theory of “social relations” and provides his opinion on the elaborations of contemporary researchers.

Keywords: object of crime, concept of legal interest, theory of social relations.

Объект преступления – один из основополагающих институтов уголовного права. В научной литературе, как правило, дискутируются вопросы понятия объекта, чему (кому) причиняется вред или создается таковая угроза. Несмотря на проведение по обозначенным вопросам множества исследований, единого подхода в их решении так и не выработано. В то же время спорность, противоречивость и сложность теоретических положений, разработанных учеными, не снижают значимости объекта преступления в процессе квалификации.

В теории советского уголовного права на протяжении более семидесяти лет превалировала точка зрения, согласно которой объектом любого преступления выступают общественные отношения. Однако в последнее время сложилась тенденция подвергать критике принятые положения. В аспекте настоящего исследования остановимся на объекте умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, используя при этом ретроспективный анализ позиций правоведов по данному вопросу.

Многочисленные теории об объекте преступления во временном ракурсе можно условно разделить на три направления: дореволюционные концепции, учения советского периода и современные разработки.

В истории развития уголовно-правовой мысли досоциалистического этапа отдельные взгляды о проблематике объекта преступления изложены в трудах Н.С. Таганцева, П.П. Пусторослева, Н.А. Неклюдова и др. Так, в рамках классической школы уголовного права объект исследуемого преступления раскрывался посредством теории правового блага. Непосредственным объектом признавалось здоровье человека, расценивающееся именно как благо, которое «...нарушалось, изменялось, подвергалось воздействию в результате преступления» [1, с. 234]. Помимо указанного подхода, можно встретить и иные точки зрения об объекте умышленного тяжкого телесного повреждения, например: «личность» или «отдельно взятый человек со всеми правами» [2, с. 243], [3, с. 2]; «телесная неприкосновенность» [4, с. 310], «состояние лиц или организмов» [5, с. 10]. В рамках же нормативистской теории объектом изучаемого преступления являлась сама норма права, охраняющая телесную неприкосновенность лица [6, с. 132–133].

Высказанные мнения не стали предметом пристального внимания со стороны советских ученых и безосновательно отвергались как реакционные. Эволюция взглядов трансформировала объект изучаемого преступления в совокупность общественных отношений по поводу здоровья лица. Указанная позиция традиционно связывалась с идеологической марксистской трактовкой исследования сущности человека как «совокупности общественных отношений»: вред, причиняемый преступлением отдельному лицу, причиняет вред всему обществу

[7, с. 207]. Руководствуясь законами диалектики и философской категорией «общее-особенное-единичное», была выстроена система видов объектов, которая легла в основу конструкции Особенной части Уголовного кодекса 1999 г. (далее – УК). Деление объектов преступлений на общий, родовой и непосредственный было обусловлено структурой ранее действовавшего Кодекса. Новая структурная единица (раздел) появилась только в УК 1999 г. [8]. В настоящее время на уровне общего объекта выступают общественные отношения, охраняемые нормами уголовного права; родовой объект – совокупность родственных общественных отношений, охраняемых статьями одного раздела (в данном случае – человек), видовой объект как составная часть родового – общественные отношения одного вида в пределах одной главы (здоровье), непосредственный объект – те конкретные общественные отношения, которые охраняются отдельной статьей Уголовного кодекса (здоровье Иванова) [9, с. 40–42]. Общепринятых названий для видов объектов преступлений не определено, и авторы вкладывают в них различное значение [10, с. 132–133]. Но в то же время, на наш взгляд, принятая система деления объектов «по вертикали» является приемлемой и служит основой для построения системы Особенной части УК, определения места включения в нее вновь принимаемых статей.

Теория общественных отношений как объекта преступления в рамках советской научной школы превалировала, однако не всегда трактовалась однозначно: встречались и иные мнения по отдельным аспектам исследуемого вопроса. В частности, А.А. Пионтковский, определяя общий объект преступления как общественные отношения, полагал, что именно за непосредственным объектом стоит «конкретное благо, но отнюдь не абстрактное общественное отношение» [11, с. 142]. Значит, применительно к исследуемому преступлению, здоровье признавалось непосредственным объектом. Схожую позицию занимал и Н.А. Стручков, признавая непосредственным объектом умышленного причинения тяжкого телесного повреждения здоровье граждан [12, с. 88].

Несколько по-иному трактовал объект преступления М.И. Федоров, который в одной из своих работ утверждал, что отход от чисто классической теории общественных отношений приводит к дополнению таковых различного рода явлениями и подмене вещами, условиями, благами и т. п., что никак не соответствует формальным законам логики (суждение верное в общем – верно и в частности) [13, с. 181].

В то же время А.Н. Васильев справедливо замечал, что принятие в качестве объекта общественных отношений к исследуемому нами преступлению ошибочно, поскольку в данном случае таковым при нанесении телесных повреждений выступает не живой человек, не его жизнь, а абстракция – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь и здоровье [14, с. 59]. Аналогичной точки зрения стал позднее придерживаться А.А. Тер-Акопов, утверждая, что признать в сущности преступления нарушение порядка отношений, охраняющих жизнь, здоровье человека, значит переставлять ценности с ног на голову: основная социальная ценность не человек, а отношения, в которые он входит и которые существуют, собственно ради него [15, с. 10]. С этой позицией трудно не согласиться.

Пожалуй, решительнее всех высказался по этому поводу Н.И. Загородников: «...некоторые авторы утратили чувство реальности, полагая, что суть теории общественных отношений применительно к преступлениям против здоровья требует, чтобы суд установил, что виновный сознавал общественную опасность причинения соответствующей тяжести здоровью человека, предвидел последствия, желал наступления таковых, но и доказал направленность умысла на конкретное общественное отношение» [16, с. 5]. По нашему мнению, указанная позиция звучит абсурдно.

В целом, анализируя концепцию объекта умышленного причинения тяжкого телесного повреждения как общественных отношений по поводу здоровья человека, можно констатировать, что ученые так и не смогли разрешить ряд принципиальных вопросов. Это касается, во-первых, уяснения сущности самих общественных отношений, т. к. в литературе высказывались различные точки зрения как с позиции философии и науки уголовного права (типичные, устойчивые связи), так и в социологической интерпретации (отношения между людьми в обществе, определяющиеся действиями их участников). Универсального подхода к определению их понятия не выработано до сих пор. Во-вторых, нет ясности характера изме-

нения общественных отношений в результате совершения конкретного преступления. Остается непонятным, что происходит с данного рода связями: разрыв, внесение качественных изменений, нанесение фактического вреда объекту и т. д. На наш взгляд, следует отметить, что в результате совершения деяния происходит изменение наличного биологического состояния организма, но никак не модификация отношений. Хотя на этот счет также не имеется единства мнений [17, с. 116–117]. В-третьих, с точки зрения ценностной мотивации, общественные отношения играют лишь прикладную (инструментальную) роль, суть которой сводится к правовому обеспечению благ высшего порядка – жизни, здоровья и т. д. (теория юридической аксиологии: ценности-средства и ценности-блага) [18, с. 29–30].

Можно и дальше продолжить перечень аргументов в пользу отказа от теории общественных отношений по поводу здоровья как объекта исследуемого преступления, однако обозначенных вполне достаточно, чтобы обратиться к анализу современных наработок. Следует оговориться, что в литературе, по-прежнему, можно встретить немало сторонников описанной концепции, приводящих доводы в ее защиту.

Выдвигая альтернативную теорию, А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский и др. предлагают в качестве объекта любого преступления «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, подвергающихся преступному посягательству» [19, с. 11, 30]. Наследуя частично теорию общественных отношений, авторы в обоснование своей позиции уточнили, что объектом выступают не все отношения, а только один из его элементов – социальная безопасность. На наш взгляд, данное определение носит формализованный, не конкретизированный характер, не отражающий сущности самого понятия объекта. В философском аспекте таковым, как правило, выступает часть объективной реальности, которая противостоит субъекту в его деятельности (например, познавательной, преступной) [20, с. 453].

В противовес данному мнению, Г.П. Новоселов рассматривает в качестве объекта любого преступления отдельных лиц или их множество [21, с. 44–48]. Данное предложение объективно заслуживает внимания, хотя было воспринято весьма критично, поскольку как бы меняло местами предмет и объект преступления, одновременно затрагивая положение потерпевшего [7, с. 199–200]. Ученый поясняет, что при нанесении вреда здоровью воздействие носит конкретный характер и оказывается не на человека вообще, а на его благо, почему ничего не мешает рассматривать в качестве непосредственного объекта человека, а предмета – само благо (здоровье). При этом потерпевший, по определению, всегда тот, кому причиняется реальный вред в результате совершенного преступления. Объект же существует независимо от того, был ли ему причинен вред или только имелась таковая угроза. Но с другой стороны, на наш взгляд, в подобном толковании объектом выступает именно потерпевший. Это, во-первых. Во-вторых, некорректно рассматривать человека отдельно в качестве объекта от его неотъемлемого состояния (здоровья). Остается непонятным, чему (кому) причиняется или может быть причинен вред. Справедливо отмечает Н.Ф. Кузнецова: «Смещение же объекта и предмета преступления нивелирует сущность и значение как первого, так и второго» [7, с. 250].

Под предметом же любого преступления, как правило, понимают «овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который виновный осуществляет посягательство на объект преступления» [22, с. 74]. Но при посягательствах на личность признак «предмет преступления» подразумевает человека, воздействуя на тело которого совершается посягательство против объекта.

В последнее время в юридической литературе принятие объекта преступления как «правового блага», предложенное в рамках классического направления школы уголовного права, нашло немало сторонников (Н.Ф. Кузнецова, А.В. Пашковская, С.А. Елисеев), в том числе и мы отдаем данной теории свое предпочтение. Концептуальная позиция по проблеме объекта преступления, изложенная Н.С. Таганцевым, представляется наиболее верной и сохраняющей свою актуальность. Подвергая критике несостоятельность нормативистской теории, автор еще более ста лет назад отмечал, что жизненность нормы проявляется только в случае обличения последней в форму правового блага (жизнь, телесная неприкосновенность и т. д.) [23, с. 5–7].

Критика данной позиции строится, в основном, на сложности уяснения содержания самого понятия «благо», поскольку именно на философском осмыслении последнего строится и теоретико-юридическое определение. Так, благо можно трактовать, как «то, что имеет ценность» или «заключает в себе положительный смысл» [24]. Однако оставим в стороне философские вопросы сути дефиниции, ведь правоведов должна интересовать и уголовно-правовая составляющая.

Обращаясь к уголовному закону (ст. 2 УК Республики Беларусь) [8], мы встречаем кардинально новые ценностные ориентации – обобщенный перечень объектов уголовно-правовой охраны: мир и безопасность человечества, человек и т. д. Объектами преступлений признаны важнейшие социальные блага. Законодатель и сам отказался от защиты общественных отношений, не упоминая их в качестве основных объектов (ср.: п. 5 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.) [25]. С учетом конструкции Особенной части УК по признаку родового объекта преступления в разделах и главах указываются конкретные охраняемые уголовным законом права и свободы человека и гражданина, общественные и государственные интересы и т. д. В частности, ст. 147 УК Республики Беларусь включена в 19 главу – «Преступления против жизни и здоровья», которая, в свою очередь, помещена в VII раздел – «Преступления против человека». Соответственно, родовым объектом исследуемого преступления при условном делении «по вертикали» следует признавать человека, а видовым и непосредственным объектами – здоровье другого лица. Кроме того, дополнительным объектом в составе преступления выступает жизнь человека.

Центральные компоненты – «человек», «здоровье», «жизнь» – нуждаются в конкретизации. Термин «человек» в литературе раскрывается как «высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры» [26, с. 718]. Именно ему как живому организму присуще в той или иной мере здоровье (а не «личности», «лицу» как носителю социальных качеств). Касаясь понятия «здоровье», в источниках можно встретить различные определения, как правило, в общесоциальном (например, медицинском) понимании. Так, в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения здоровье закреплено как «состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [27, с. 220]. В уголовно-правовом контексте здоровье можно описать как наличное физиологическое (соматическое) состояние организма до момента, предшествующего преступному посягательству, независимо от биологических качеств лица. Относительно третьего компонента – «жизнь», то ее с точки зрения медицинского содержания определяют моментом возникновения родовых схваток при беременности сроком свыше 22 недель, когда плод способен к внеутробной жизни [28].

Подводя итог сказанному, можно утверждать следующее:

1. Определение объекта умышленного причинения тяжкого телесного повреждения имеет свой исторический генезис, не нашло единого толкования и до настоящего времени остается дискуссионным вопросом.

2. С учетом изложенных выше аргументов имеются основания отказаться от традиционного понятия объекта исследуемого преступления как общественных отношений по поводу здоровья человека.

3. Руководствуясь формулой «объект – правовое благо», исходя из принципа дифференциации, родовым объектом исследуемого преступления следует признавать человека; видовым и непосредственным объектами – здоровье другого лица, как наличное соматическое состояние организма до момента преступного посягательства; факультативным объектом – жизнь человека.

4. Принятая система деления объектов по вертикали (общий – родовой – видовой – непосредственный) является наиболее оптимальной; служит основой для построения системы Особенной части УК, определения места включения в нее вновь принимаемых статей.

5. Приведенные соображения могут быть использованы для дальнейшей разработки наиболее универсального подхода в общем учении об объекте преступления как правового блага.

Литература

1. Колоколов, Г.В. Уголовное право : лекции / Г.В. Колоколов // Рукопись, 1887. – 687 с.
2. Сергиевский, Н.Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть общая / Н.Д. Сергиевский. – Петроград, 1915. – 344 с.
3. Неклюдов, Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права / Н.А. Неклюдов. – СПб., 1887. – 764 с.
4. Кистяковский, А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая / А.Ф. Кистяковский. – Киев, 1882. – 892 с.
5. Пусторослев, П.П. Русское уголовное право. Особенная часть / П.П. Пусторослев. – Вып. 1. – СПб., 1913. – 119 с.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1 : Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 2002. – 624 с.
7. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46. Ч. 1. – М., 1968. – 345 с.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск : Амалфея, 1997. – 208 с.
9. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебное пособие / Н.А. Бабий. – Минск, 2005. – 223 с.
10. Семченков, И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты уголовно-правовой проблемы / И.П. Семченков. – Калининград : Калинингр. юрид. ин-т МВД России, 2002. – 164 с.
11. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М., 1961. – 665 с.
12. Стручков, Н.А. Объект преступного посягательства и система Особенной части УК / Н.А. Стручков // Советское государство и право. – 1987. – № 12. – С. 86–88.
13. Федоров, М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву / М.И. Федоров // Учен. зап. Пермского ун-та. – Т. 11. Кн. 2. Вып. 4. – Пермь, 1957. – 188 с.
14. Васильев, А.Н. Рецензия на учебник : Советское уголовное право. Часть общая. – М., 1952 / А.Н. Васильев // Социалистическая законность. – 1953. – № 8. – С. 88–90.
15. Тер-Акопов, А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А.А. Тер-Акопов. – М., 1995. – 176 с.
16. Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию / Н.И. Загородников // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. трудов. – М., 1994. – С. 5–22.
17. Винокуров, В.Н. Общественные отношения как объект преступления: за и против / В.Н. Винокуров // Государство и право. – 2010. – № 1. – С. 116–119.
18. Зателепин, О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. Зателепин // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 29–31.
19. Мельниченко, А.Б. Уголовное право. Особенная часть : Учебное пособие для студентов юридических факультетов и специальностей вузов / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. – Ростов-на-Дону, 2002. – 320 с.
20. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. : Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
21. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М. : Изд-во Норма, 2001. – 208 с.
22. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский. – М., 1980. – 247 с.
23. Таганцев, Н.С. О повторении преступлений (исследование) / Н.С. Таганцев. – СПб. : Изд-во Журн. М-ва юст., 1867. – 296 с.
24. Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/147. – Дата доступа : 15.06.2011.

25. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7311.htm>. – Дата доступа : 25.08.2011.

26. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1983. – 1516 с.

27. Популярная медицинская энциклопедия / гл. ред. Б.В. Петровский ; 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Сов. Энциклопедия, 1987. – 704 с.

28. Приказ Министерства Здравоохранения от 05.04.1994 г. № 71 «О порядке проведения операций искусственного прерывания беременности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.busel.org/texts/cat1ej/id5dwreun.htm>. – Дата доступа : 25.09.2011.

Академия Министерства внутренних
дел Республики Беларусь

Поступило 21.09.12

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ